

ТОЛСТОЙ говорит с миром

«Вы можете спрашивать меня о чем угодно. Я отвечу в соответствии со своими убеждениями, потому что мой главный принцип — истина, и человек в ответе только перед Богом. Я не боюсь никого на свете и буду говорить правду, даже если меня снова предадут анафеме...»

Не в упрек нынешним властителям дум, но многие ли из них отважились бы на подобное заявление, сделанное Львом Толстым в 1905 году корреспонденту газеты «Будапешти хирлап» Густаву Шерени? Эти слова великого писателя смело могут служить камертоном к книге, в которой будут собраны беседы Толстого с иностранными журналистами: когда читатель возьмет ее в руки, он лишится раз убедится, сколь

неотступно следовал своим принципам наш национальный гений. Над рукописью этой книги работает известный критик и писатель Владимир Лакшин, два года назад выпустивший сборник «Интервью и беседы с Львом Толстым», который донес до нас живое слово «великого старца», записанное его соотечественниками. Тогда же у автора сборника возникла мысль показать Толстого глазами его зарубежных собеседников.

В КОНЦЕ XIX — начале XX века, рассказывает Лакшин, в Ясную Поляну и в Москву, в Хамовники, люди со всего света стремились, как в Мекку, как в свое время в Ферне к Вольтеру. Одни шли из любопытства — взглянуть на знаменитость, другие хотели услышать пророка, проповедника, учителя жизни, каким был для многих великий художник в последние два десятилетия своей жизни. Толстой принимал всех, кто стучался в дверь его дома, он считал необходимым поделиться с каждым добытым им знанием.

Как воспринимали Толстого чужеземные посетители? «Северные озера кажутся ясными, спокойными и неглубокими, но попробуйте измерить их глубину, и окажется, что они прямо-таки бездонны. Таков и Толстой», — записывает в 1892 году американский журналист У. Б. Стивенс. Приобщиться к этой глубине, разгадать тайну Толстого спешили англичане, чехи, болгары, итальянцы, испанцы, норвежцы, финны, поляки. Наконец, Восток, добавляет Лакшин, который очень интересовал Толстого, сам интересовался Толстым. К сожалению, автору сборника до сих пор не удалось обнаружить ни одной публикации о писателе в индийских газетах, хотя они вполне вероятны. Но довольно много материалов в японской печати, и часть из них войдет в книгу.

Прежде чем перейти к сути самого разговора Толстого с миром, спрашиваю автора-составителя, как ему удается напасть на след в безбрежном море газетно-журнальной продукции десятков стран.

— В огромной массе мемуарной литературы о Толстом, — отвечает Владимир Лакшин, — я цепляюсь за любое упоминание о том, что в таком-то году у писателя был такой-то путешественник из такой-

то страны. Если кто-то приезжал к нему, допустим, в августе, то в сентябре мог уже что-то опубликовать. Тогда я прошу своих зарубежных друзей — ученых, журналистов (в том числе и советских, аккредитованных за границей) помочь мне найти нужное издание. Без этих добровольных помощников я не сделал бы ни шагу. Есть свидетельства, что наиболее добросовестные корреспонденты (в частности, Гальперин-Каминский) посылали свои интервью Толстому на визу. Здесь мы имеем дело с авторизованным текстом. В наши дни обнаружить новую строчку Толстого так же сложно, как найти что-то неизвестное у Пушкина. А интервью представляют новый пласт толстовского слова. Конечно, нужно подходить к нему критически, но золото намывается.

С зарубежными собеседниками Толстой меньше всего говорит о своих художественных произведениях. Главная тема — вопросы духа, философии, политики, нравственности, религии. Обо всем этом писатель рассуждает с обычной своей резкостью, иногда бунтарски, вызывая. Его упрекают: вы говорите парадоксами. Какие парадоксы, возражает он, это самые очевидные и простые истины, человечество слишком заморочено предрассудками, чтобы понять простые истины.

В беседе с болгарским журналистом Д. Ризовым (1900 год) Толстой признается: «Вы стреляете близко и потому не поднимаете прицел своей пушки, а я тщу цельтесь дальше и вынужден метить выше». Куда, по мнению Лакшина, целился Толстой-философ?

ЭКОЛОГИЯ

— Из материалов сборника очевидно: то, что еще несколько лет назад мы считали заблуждениями Толстого, сейчас предстает в новом

свете. Он просто зорче видел. Например, он не знал слова «экология», которое в ходу только последние десятилетия, но он яростно протестовал против разрушения природы, против негативных последствий цивилизации и промышленной деятельности человека. В ту пору, когда все были охвачены идеями прогресса, от предупреждений Толстого отмахивались, но сегодня-то ясно, как далеко вперед он смотрел.

НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ

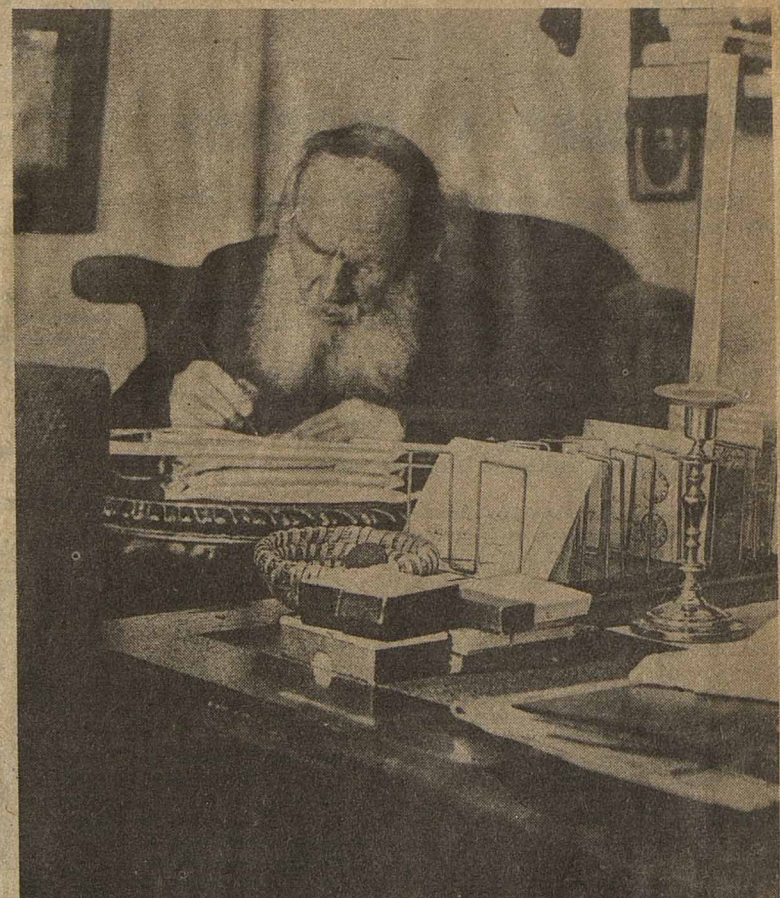
— Или возьмем такой его символ веры, как нравственное самосовершенствование. Тогда в России бушевали революционные пожары, надвигались социальные катаклизмы. А этот старик безумный — к чему он зовет? К самосовершенствованию, непротавлению злу. Только социальная борьба может привести к улучшению жизни! Но вот мы прошли долгий путь и теперь понимаем, что без глубокой и трудной работы над своим нравственным миром социальные перемены в обществе невозможны. То есть борьба остается, но она включает борьбу и за самого себя.

Идеи Толстого так часто опошлялись, что выхолащивалась их суть. Он никогда не был непротавленцем. Толстой — человек яростного сопротивления злу. Но средство борьбы с этим злом не насилие, а проповедь, убеждение, сильное, суровое воздействие на сознание. Вот в чем смысл его непротавления.

ПАТРИОТИЗМ

— Эта проблема в наши дни постоянно дебатруется. Спрашивают: почему Толстой так выступает против патриотизма? Толстой очень любил Герцена и целиком разделял его идеи о том, что благородный порыв патриотизма в известные времена равнозначен полицейщине духа. Для Толстого патриотизм несовместим с угнетением других наций, с высокомерием по отношению к другим народам. Писателю внутренне присущ, как мы сказали бы сейчас, интернационализм, а говоря его словами — всечеловечность. Он, русский до мозга костей, проповедует, как его любимый герой Тушин в «Войне и мире», «скрытую теплоту патриотизма». Патриотизм кричащий, самодовольный, надменный, показатель для него нечто глубоко нерусское...

В своих беседах и интервью Толстой, помимо того, что он великий художник, предстает как великий русский человек, великий интеллигент. Рассуждая о культуре и интеллигентности, мы задаемся вопросом: на какие иконы молиться, на кого оглядываться? Есть на кого. У нас есть Пушкин, есть Герцен, Достоевский, Толстой... Мы не бед-

Толстой за работой.
Ноябрь — декабрь 1909 г. Фото С. А. Толстой.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ОТВЕТОВ ТОЛСТОГО ИНОСТРАННЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Национальный вопрос, война, патриотизм

«Национальный вопрос должен решаться на основе широкого пространства принципов совести и достоинства человека... Я хочу вам сказать, вряд ли есть хоть один финн, который страдает за Финляндию, как я... И я страдаю не только за финнов, судьба поляков, литовцев и евреев тоже вызывает во мне боль». («Хувудстабладет», 1910).

«Война — это просто большая драка. Она возникает из безнравственного стремления отнять у людей землю и присоединить ее к своим владениям. Война провозглашает к жизни всевозможные злодейства. Я хотел бы навсегда изгнать это зло из жизни людей. А такая мягкотелость, рассуждения на тему, «когда обстоятельства вынуждают»... ничего хорошего не принесут». (Запись Масутаро Кони-си, Япония).

«Милитаризм, прикрываясь флагом отечества, сгоняет народ в армию, лишает людей человеческого достоинства. Да еще принуждает гордиться военными мундирами, которые он напяливает на своих рабов. Я выступаю против таких деяний государства и «отечества».

«Всеобщая любовь к людям — вот что меня воодушевляет, всеобщая свобода, труд и прогресс! Пусть народы поймут друг друга, протянут друг другу руки и станут братьями». («Будапешти хирлап», 1905).

О прогрессе и образовании

«Я считаю, что все изменяется и может стать лучшим. Но я не думаю, что материальный прогресс идет параллельно с развитием идей. Кто-то сказал: «Представьте себе в нашу эпоху Тамерлана, в распоряжении которого был бы телеграф и телефон». И это правда... Таким образом, научный прогресс служит не массам, а только хитрецам, извлекающим из него выгоду».

«В настоящее время наука становится главной. Но это противоречит истине, надо начинать с нрав-

ственности, остальное придет потом, более естественно, легко, с новыми, возросшими за это время силами. В то же время необходимо открывать школы, находить среди людей из народа светлые головы, таких людей тысячи, и они жаждут лишь немного воздуха и света, чтобы состояться...» («Фигаро», 1901).

О печати

«Когда приметесь за журналистику, не следует говорить с папской непогрешимостью по вопросам социальным и политическим. Один Бог знает, кто когда-нибудь будет прав по этим вопросам... Разумеется, вы должны писать и говорить то, в чем вы искренне убеждены, но никогда не доказывайте свою правоту начальственным тоном». («Мисль», София, 1900).

Таланты и консерваторы

«Недавно один из наших консерваторов пренаивно меня спросил: «Скажите Бога ради, граф, чем вы объясняете странное явление, что в наш консервативный лагерь не попадают талантливые люди?» С огласитесь, что это удивительное явление, тем более, что и царь, и правительство, и армия на нашей стороне? Видите ли, сказал я ему, если и есть нечто «странное» и «удивительное» в этом деле, так это то, что вы удивляетесь столь обыкновенному и легко объяснимому явлению. Талантливых людей, не являющихся рабами своего низменного эгоизма, нет и не может быть в вашем лагере по той совсем простой причине, что вы, консерваторы, поставили своей задачей сохранение того жестокого и несправедливого общественного порядка, который достался нам в наследство от самых мрачных исторических эпох... И вот почему ни один талантливый человек, чья совесть не заглохла под давлением личных выгод, не может быть консерватором...» («Мисль», 1900).

Добро и зло

«Когда добро и зло противостоят на равных, побеждает добро. Таков общий закон жизни». (Американскому журналисту Джеймсу Крилмену, 1901).

Толстой на лошади и Д. П. Маковицкий.
31 янв. 1909 г.
Фото В. И. Савельева.